

«...Мы отмечаем не тысячелетие крещения Руси, потому что оно растянулось по крайней мере еще на сто лет. И не тысячелетие возведения в Киеве первой христианской церкви, потому что она была построена там за сорок лет до Владимира, но тысячелетие государственной идеологии формирующейся, зарождающейся державы». Эти слова прозвучали на организованном журналом «Знание — сила» обсуждении. В разговоре приняли участие доктор исторических наук Г. ЛЕБЕДЕВ, чьи статьи в шестом и седьмом номерах нашего журнала стали началом этого разговора, историки М. ЩУКИН, Л. КЛЕЙН и Д. МАЧИНСКИЙ, искусствовед В. БУЛКИН. Вела «круглый стол» Г. БЕЛЬСКАЯ, наш специальный корреспондент.*

Христианство на Руси

Д. МАЧИНСКИЙ: — Часто встает вопрос, а хорошо ли, что мы приняли христианство, а не, например, мусульманство? И хорошо ли, что мы приняли христианство византийского, православного толка, а не католического?

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Лучше поставим вопрос иначе: почему?

Д. МАЧИНСКИЙ: — Или почему? На самом деле вопросы так ставить, на мой взгляд, нельзя. Мы приняли восточное, византийское, христианство потому, что Днепр впадает в Черное море. Вот и весь ответ. Потому что в мировой истории чрезвычайно много порою решает география. А в истории России, думаю, особенно много. Чаадаев, поразительный умница в русской истории и ее трагический вопрошатель, говорил, что основным фактором русской истории является география. Примечательный факт. Татищеву Петр I поручил заняться русской географией. Тот занялся — и написал русскую историю. Не случайно, конечно.

Прародина славян лежала, как представляется, в бассейне Днепра. И эта территория, по течению Днепра и по рекам, впадающим в него, — а реки служат кровеносными артериями и нервными токами тела земли, — уже давно, со времен скифов, была ориентирована на Восточное Средиземноморье. Это приводило и к определенной психологической ориентации, к приходу с юга образов эпоса и мифологии, то есть к некоторому психологическому родству.

Когда государственной магистралью Руси стала речная система Волхов — Днепр, а не, скажем, Молога — Волга, это уже определяло, что мы будем не мусульманами, не иудаистами, скажем, а христианами и обязательно восточного толка. На это мы в известной степени были обречены. Хотя, конечно, «отгороженность» Руси степями от Византии все-таки оставляла известную иллюзию свободы выбора. И поэтому страна все-таки выбирала религию.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Как бы выбирала?

Д. МАЧИНСКИЙ: — Как бы выбирала! Вы совершенно правы. Но ведь очень бывает полезно человеку в какой-то момент, хотя бы

* «Знание — сила», 1988 год, № 6 — «Русь. X век. Накануне»; № 7 — «Русь. X век. Что дальше?»

1. Первой кирпичной церковью на Руси, построенной в 989—996 годах в Киеве, была Десятинная церковь.

В 1842 году в память о ней, к этому времени уже разрушенной, был воздвигнут храм — Десятинная церковь.

Ее вы видите на фотографии.

2 Своды Спасо-Преображенского собора в Чернигове. XI век.

3

4

5

6

Предметы, найденные в развалинах первой Десятинной церкви:

3. Золотая витая серьга.

4. Формочка для отливки котлов.

5. Серебряная гривна весом 156 граммов.

6. Капитель.

как бы выбрать, осознать значение своего выбора, а не быть попросту принужденным к нему обстоятельствами.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — И что же это дало?

Д. МАЧИНСКИЙ: Во-первых, принятие христианства чрезвычайно усилило общеславянское сознание на Руси. Этот факт, никем не отрицаемый.

Г. БЕЛЬСКАЯ: Но оно существовало и раньше. Не надо сбрасывать со счетов заслуги язычества. Поразительное ощущение общеславянского единства, выраженное в легендах о расселении славян-предков, видимо, восходит еще к дохристианской поре.

Д. МАЧИНСКИЙ: Славянство вообще очень поздно разделилось, так что это естественно. Да, вы правы. Но с христианством к нам проникала традиция, культура, письменность, которая была создана сначала на базе диалектов македонских славян, усовершенствована на базе диалектов моравских славян и достигла высочайшего литературного уровня на базе болгарских славянских диалектов. Это была традиция церковная, она проникла в районы Чехии и Моравии и ко всем славянам Балканского полуострова, и в Южную Польшу, и даже, как выясняется по некоторым источникам, к сорбам на Эльбу. То есть ни одной крупной области, не затронутой этой традицией, не было. И поэтому принятие христианства, уже оснащенного великолепной письменной славянской традицией — со своей графикой, с учетом славянской фонетики, безусловно, усиливало осознание славянского единства.

Г. ЛЕБЕДЕВ: — Конечно, чрезвычайно важная особенность восточноримской, византийской церковной культуры — это письменность. Не латинская письменность, а слово, обращенное к народу на его языке и с его алфавитом. Алфавитом, который стал общеславянским, приспособленным к фонетике, усвоенным народом, алфавитом, проникшим в глубочайшие народные слои за очень короткое время, — уж к XI веку, во всяком случае, в Новгороде писали на бересте, писали самые что ни на есть бытовые письма. И тем же языком, на котором читали божественные книги, священное писание.

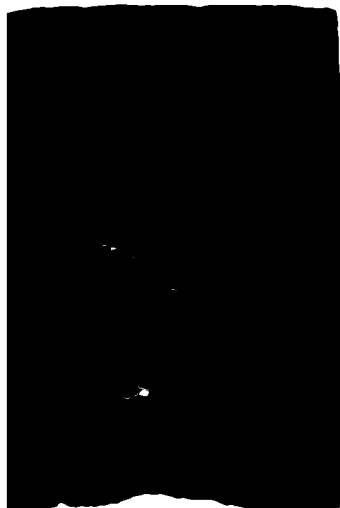
Д. МАЧИНСКИЙ: Мы обычно говорим: принятие христианства Русью. Кому-то это не нравится, и говорят: распространение христианства на Руси, совершенно забывая один аспект, который, может быть, кому-то не очень приятен, но правда — превыше всего. Думаю, вернее было бы сказать: взятие христианства Русью. Я верю летописной легенде, что Херсонес был взят не для того, чтобы услужить Византии, а чтобы давить на Византию. Владимир объединил в себе военные устремления Святослава и дипломатические устремления Ольги и в известной мере не только принял, но и взял христианство. Казалось бы, ученичество, тем не менее — самостоятельность, самость. И самость местная, восточноевропейская, а не только славянская. В Киевскую державу вошли не только славянские области, а и Балтика, финские племена. Северная же Русь, территория нынешних Ленинградской, Новгородской, Псковской областей, была еще сильнее об-

Ангел с кадилом и свечой. 1887 год.
Эскиз М. А. Врубеля
для неосуществленной росписи
Владимирского собора в Киеве.

«Знание — сила»
Август 1988

На этом и следующем разворотах мы воспроизводим миниатюры из «Сказания о Борисе и Глебе» (житийные повести, Сильвестровский сборник, вторая половина XIV века).

1

1. Вверху — князь Владимир Киевский посылает своего сына Бориса в поход против печенегов; внизу — погребальный обряд над телом князя Владимира. Обернутое в полотно, оно возлагается, по славянскому обычаю, на сани для перевозки к месту погребения.

2. Вверху — князь Святополк, занявший киевский престол после смерти отца, посылает убийцу к своему брату Борису; внизу — конные воины, участвовавшие в убийстве Бориса, едут к Святополку в военный лагерь у реки Альты.

На последней странице обложки

Вверху — расправа над Борисом: два варяга, посланцы Святополка, добивают его ударом меча в сердце; внизу — тело Бориса в княжеском облачении переносят к месту погребения.

2

разом пронизана скандинавским элементом. И вот любопытная вещь. Еще в языческое время, когда в 839 году Русь впервые выступает на международной арене, своего правителя она именует не «великий князь славянский», не «конунг» даже, а «каган», — так же, как хазары своего правителя, так, как именовались могучие владыки тюркских государств. Кстати, наихристианнейший автор, митрополит Иларион, когда в своем «Похвальном слове о законе и благодати» хочет максимально возвеличить князей Владимира и Ярослава, как он их называет? Каган земли русской. Не арконт, по-гречески, не конунг и не великий князь, а каган. Высший титул, вроде императорского.

Отсюда — взятие христианства, от ощущения своей самости и своей силы. Я говорю об этом имперском комплексе без оценок, не со знаком плюс и не со знаком минус. Он возник рано. И уже был ко времени принятия христианства. Собственно говоря, точно так же позже правители России взяли название цесарь, царь, которого никто им не давал. И точно так же Петр Великий взял себе звание «император». Наполеона — хоть папа венчал. А Петр упразднил даже место патриарха!

Но вернемся в X век. Благодаря контактам со средиземноморской традицией, благодаря общеславянским связям и скандинавским контактам пришло тогда новое ощущение своего европейства. Потому что ощущать себя христианином в огромной степени значило в ту пору ощущать себя европейцем, так как в это время христианство стало преимущественно европейской религией. И очень важно, что оно было принято в момент, когда попытка патриарха Фотия внести раскол между Римом и Константинополем была уже пройденным этапом, а новые церковные распри еще не накатились и сохранились, пусть несколько формальное, но все-таки единство. Спустя и пятьдесят лет после откровенного раскола церковью русские князья отдавали дочерей за католических монархов и их сыновей. И задавали верховным иерархам русской церкви вопросы, из которых следовало, что князьям не всегда было понятно, что, собственно, произошло. И они оставались европейцами еще очень долго. И в общем это европейское сознание существует и по сей день. Особой остротой необходимости срочно выбирать веру не было. Можно было подумать, посмотреть. И Владимир подумал и посмотрел. Народный миф, сложившийся вокруг этого, чрезвычайно интересен. Почему-де не приняли мусульманство? Когда русские побывали в мечетях у мусульман, они сказали: «нет там веселья». Веселья там никакого нету! А без некоей радости, веселья и права на разгул и забвение — не религия.

Очень интересно, как они отказались от иудаизма. Иудаизм в те времена, думаю, — серьезная альтернатива. Это господствующая религия Хазарской державы на Волге. Хазарский каган был иудаистом, а его страна занимала важное место в международной политике.

И вот отказ. Владимир спросил: «А где земля ваша?» Они сказали: «Вон там, святая, обетованная». Тогда он еще спросил: «А правда ли, это земля сейчас ваша?» На что они сказали: «Нет, нас сейчас оттуда разогнали». И тогда он сказал, что не нужна ему религия, при помощи которой нельзя удержать свою землю. Вот второй тезис. Нужна религия земли, такая, с помощью которой можно удержать землю.

С немцами тоже неудача. Они ведь тоже христиане, и еще не отлученные. И ругать их религию не было, казалось, причины. Сказали: красоты у них никакой нет. Верно, конечно, до готики еще далековато, а романский стиль только проклевывался. Но была еще одна очень важная причина: «отцы наши вас не приняли, и мы не примем» — русская традиционность. Тут уж ничего не поделаешь. Вроде христиане, и попы есть, и все всерьез, и тем не менее «мужи» напоминают Владимиру, что бабка Ольга и Аскольд выбрали византийскую религию, и думать можно было бы, если б бабка эту веру не выбрала, а раз она выбрала, так она мудрая была.

Ну и последнее: почему «мужи» Владимира в легенде все-таки выбрали византийскую веру. Это поразительно. И звучит так искренне, так сильно: потому что они слышали богослужение — в Софии Константинопольской. И не знали, на небе они или на земле. Именно это выступает в конечном счете как основная и решающая причина. То есть при стремлении к разгулу, при любви к земле,

при любви к традициям нужна какая-то неземная красота. Некий мир идеалов. И там они его почувствовали, в этом поразительном храме — в Софии. И поэтому притча о выборе веры — собственно рассказ о формирующихся идеалах общества. А вслед за этим формируется другое — русский тип святого. Очень разнятся ранний скадинавский святой и ранний русский святой. Норвежский святой Олаф, король, пал в битве за веру. Первый русский святой, мученик Борис, напомню, пострадал не за веру, а из-за склонности к миру и смирению. Пострадать во имя правды и добра — это уже святость. С точки зрения политики, он вел себя бессмысленно, распустив свое войско.

Неважно сейчас, насколько Борис реально соответствовал этому типу, хотя, не сомневаюсь, было в его личности нечто, что послужило основой для легенды. Важно, что именно этот тип святого стал с самого начала каноном и тем идеалом, который стоял перед Русью. Надо сказать, сострадательность характерна для великого XI и начала XII века, светлого времени русской истории.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Не преувеличиваете ли вы эту «светлость», там же велись жестокие войны?

Д. МАЧИНСКИЙ: — Думаю, не преувеличиваю. Именно тогда сформировался тип монастыря в Печерской лавре, отстаивавше-

го высокие идеалы, там возникла поразительная фигура митрополита Илариона, который всматривался в самые основные вопросы человеческого существования.

Борис был князем по рождению. Но он принял, по легенде, роль мученика, а от действий княжеских отказался — отказался от борьбы за власть. Сложнее быть христианином, оставаясь князем. Эту задачу решали, например, Владимир Мономах и его сын, Мстислав Великий.

Когда говорят о принятии Русью христианства, обычно упускают одну очень существенную, на мой взгляд, деталь. Принятие христианства было принятием в русскую национальную государственную традицию образа Христа. Как показали многовековые исследования, все элементы христианства можно вывести из других, более ранних и параллельных традиций. Кроме одного — неповторимой цельности Христа, который своим житием реализует эту цельность так, а не иначе. Поэтому в принятии христианства, на мой взгляд, одним из главных этических моментов было принятие Русью этого образа.

Митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» трактует чрезвычайно важный вопрос. Он, может быть, слишком смело, прямолинейно пытается разделить, где Христос поступает как человек, а где — как господь. Видно, что этот воп-

3. Вверху — Святополк посылает за своим братом Глебом с ложным приглашением от имени отца — умершего князя Владимира; внизу — приход вестника от Святополка к Глебу.

4. Вверху — Глеб с дружиной отправляется в Киев. Под Глебом оступается конь; внизу — Глеб с дружиной садится в насад (ладью) на реке Смедьни.

рос перед ним мучительно стоит. Но интереснее другое. Не позднее начала XII века, а, видимо, в XI веке, на Руси была переведена «Иудейская война» Иосифа Флавия, в том ее варианте, где содержится совершенно уникальный эпизод о Христе, который, кстати, по некоторым элементам ближе всего к варианту Булгакова в «Мастере и Маргарите». В этом изложении оказывается, что Христос был в значительно более сложном положе-

нии, чем мы узнаем из Евангелия. Что он был в сложных отношениях со сторонниками сопротивления Риму, которые требовали от него вооруженных действий по захвату храма. И колебаться ему приходилось очень, что объясняет некоторые спорные места из Евангелия.

И более того, по этой версии выясняется: Христа брал Пилат дважды, это подтверждается и некоторыми иудейскими источниками. Что Пилат был крупно подкуплен и вина Пилата в той римской традиции куда больше, чем по каноническому Евангелию.

По Руси, очевидно, ходило именно это сочинение.

Появляется и возвышается в истории фигура, которая сохранила в себе традицию духовного преемства и огромного духовного роста и ответственности. Это фигура святого Михаила Черниговского, поехавшего в Орду умирать за свою веру и за свое, как он считал, духовное превосходство над силой, которую он тоже признавал. Думаю, все, что в этих традициях удалось сохранить, в большой степени связано с христианской традицией.

Л. КЛЕЙН: -- Мне кажется, оценивая значение крещения Руси, наши историки нередко впадают в крайности: с одной стороны, те, кто склонен к очень высокой оценке зна-

5. Вверху встреча на реке Смедыни; Глеб посланными Святополком убийцами; внизу убийство Глеба посланцами Святополка.

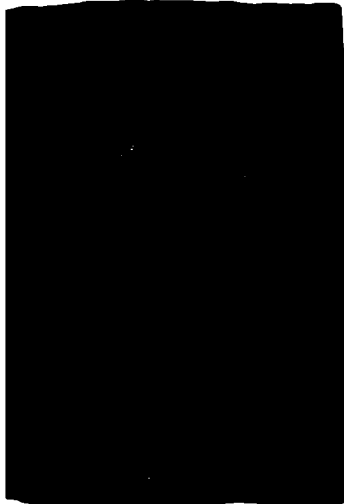
6. Вверху посланцы Святополка сообщают ему об убийстве Глеба; внизу путники, проходя мимо места, где было спрятано тело убитого Глеба, слышат ангельское пение.

7. Вверху - чудо у гроба Бориса и Глеба: наступившему на гроб нечестивому варягу опалило ноги; внизу сидящий варяг жалуется у гроба Бориса и Глеба на обожженные ноги.

8. Вверху — Миронег видит во сне Бориса и Глеба, которые исцеляют ему ноги; внизу — Миронег пробуждается, видит, что выздоровел, и прославляет Бориса и Глеба.

9. Вверху — слепец, прозревший у гроба Бориса и Глеба, прославляет их; вверху справа — строится Соборный храм; внизу — мощи Бориса и Глеба переносят в Соборный храм.

10. Вверху — хромоногий, исцеленный у гроба Бориса и Глеба, прославляет их память; внизу — обед у князя Изяслава с митрополитом и пресвитерами по случаю сооружения новой церкви в Киеве.

чения христианизации и всячески подчеркивают отличия христианства от язычества, и с другой — те, кто подчас игнорирует это важнейшее событие. Превосходства христианства над язычеством с точки зрения исторического прогресса я не вижу. Скажем, появлению государственной власти язычество не мешало. Достигли же Греция и Рим высочайшего развития, пребывая в язычестве. Может быть, христианство выше язычества. с общечеловеческой точки зрения? Может быть, гуманнее? Развивает концепцию милосердия, любви к ближнему и так далее? Это, как мне показалось, следует из вашего выступления. Но ведь именем Христа каких только зверств не творили! Вспомните инквизицию — язычество до такого не додумалось.

Вы говорите, что благодаря христианству продвинулось вперед просвещение. Но это, по-моему, не специфика христианства. Как раз письменность зародилась при языческих религиях. В конкретных условиях христианизация несла на Русь и положительные элементы культуры, но, на мой взгляд, это происходило не благодаря специфике христианства, его превосходству над другими религиями, как не было вызвано и природными свойствами какой бы то ни было религии вообще. Вопрос о сравнительной оценке вер вообще очень сложен. Ну, скажем, можем ли мы представить себе, что было бы с Европой, если бы победило в ней не христианство, а мусульманство под влиянием арабов?

Наверное, не было бы так развито изобразительное искусство, каким Европа славится сейчас. Но не забудем, что арабские науки и искусства стояли одно время очень высоко, были на гораздо более высоком уровне, я думаю, чем европейские того времени. 10

Г. БЕЛЬСКАЯ: — А литература, а духовность?

Л. КЛЕЙН: — Но мусульманские и литература, и духовность были очень высокими, скажем, для времени раннего средневековья. Конечно, очень много значат конкретные условия. Некоторые исследователи считают, что все славянское язычество было почти христианством. Ловмянский, известный исследователь язычества, например, развивает концепцию прототеизма. Согласно ей единственным для славян был бог неба, а все прочие боги либо не славянские, либо пришлые,

либо не имели статуса бога. А Рыбаков идет еще дальше: он говорит уже просто о монотеизме на Руси в течение трех тысяч лет. Более чем странная позиция. С этой точки зрения, именно качеством «своего» язычества, а не географическим положением или прочим была приурочена Русь к христианству, даже более узко — к православию.

Здесь необходимо отрешиться от крайностей и трезво, объективно оценить сходство и различие между славянским язычеством и христианством на Руси и только тогда пытаться составлять свое суждение о значении крещения Руси. Да и вообще надо более объективно представить себе славянское язычество, поглядеть на него не сквозь призму христианства и не с той лишь точки зрения, что оно, так сказать, означало по сравнению с христианством, для христианства и так далее.

В. БУЛКИН: — Но справедливо будет сказать, что человек в ходе истории, так сказать, очеловечивается, и идеал, христиан-

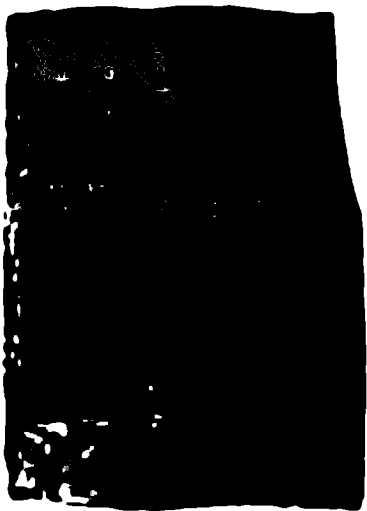
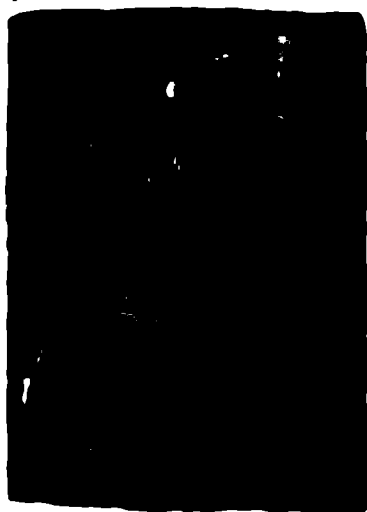
ский идеал, безусловно, способствует этому.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Очеловечивается, вы говорите? А газовые камеры?

В. БУЛКИН: — Социальная действительность, увы, мешает претворению идеала в реальность.

Д. МАЧИНСКИЙ: — Идеал — не есть нечто связанное с действительностью. Но он всегда «над» нею, это стимулятор духовного движения. И христианский идеал, внесенный в языческую среду, не будем сейчас спорить об ее уровне — по природе своей, по содержанию ее очеловечивает, и это, как мне кажется, фактор мощного воздействия на действительность, хотя между действительностью и идеалом всегда существует огромный разрыв.

Л. КЛЕЙН: — Мне представляется, что некие высокие идеалы можно найти во многих религиях, может быть во всех. Потому что религия непременно должна была формулиро-

вать и какие-то моральные требования к своим адептам. Язычество, при котором греки и римляне достигли высочайшего уровня культуры, науки и искусства, не препятствовало этому, а, быть может, способствовало благодаря большой терпимости. В средневековье же, на мой взгляд, христианство способствовало скорее подавлению наук и искусств.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Но это упрощение...

Д. МАЧИНСКИЙ: — Мы немножко сбиваемся, по-моему, на рассуждения о том, что могло бы быть. Но Европа не стала мусульманской. Греки сделали свой выбор, а Русь — свой. Мы можем только стремиться понять, что, собственно, происходило.

Уверенно можно сказать: то, что произошло в 988 году, было, прежде всего, выходом на высочайший уровень достижений мировой культуры того времени.

В. БУЛКИН: — Как выразился бы Данте, в «разлистанном» виде все чувства — любовь, милосердие, сострадание — так или иначе, в той или иной степени существовали, ибо они присущи природе человеческой. Но речь идет о культуре любви к ближнему. Речь идет о том, что любовь не просто прославлялась как высшее человеческое чувство, но объявлялась первоосновой мира, как духовное состояние, которое является принадлежностью творца.

Христианство, христианский идеал, духовный комплекс христианский был не просто передан на Русь, он был передан в системе необыкновенно строгой, внутренне законченной, отработанной во всех своих элементах. Именно отлаженность, цельность, духовная высота делали, на первых порах по крайней мере, проблематичной саму возможность освоить эту систему культуры, не оказаться погребенными под нею. Но случается другое.

Сразу планка ставится очень высоко и тут же преодолевается. Это заставляет искренне изумиться. Возьмем, например, строительство церковных зданий. Вплоть до XVIII и даже XIX века они были крупнейшими в Киеве, Новгороде, Чернигове и других городах. И не то важно, что архитекторы поначалу пришли из Константинополя, и живописцы пришли оттуда же. Нужен был весьма высокий уровень материальной культуры, развитый вкус и художественная требовательность заказчика, чтобы осуществить грандиозное церковное строительство времени Ярослава Мудрого. Можно искренне изумиться времени и людям, воплотившим свои идеи в совершенной архитектуре и в живописи. Такой взлет, к сожалению, потом уже никогда не повторялся.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — А можно вопрос, Валентин Александрович? Можно объяснять самостью, так сказать, внутренней силой сам факт взятия христианства, но можно ли этим объяснить такое быстрое восхождение, выраженное в формах, в красках, в музыке, быть может? Очевидно, это нужно объяснять чем-то другим?

В. БУЛКИН: — Я думаю, можно говорить о возможностях, заложенных в народе...

Г. БЕЛЬСКАЯ: —...которые не находили выражения в язычестве, а в христианстве реализовались?

В. БУЛКИН: — Да, но еще важно учитывать основные догматы христианства. Ведь они отвечают самым глубинным чаяниям человеческого сердца — бессмертие души, воскресение во плоти. Это, на мой взгляд, совершенно неотразимый аргумент для той

несколько инаковой, наверное, среды язычников.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Для того, чтобы принять веру, но не для того, чтобы...

В. БУЛКИН: —...для того, чтобы этим вдохновиться. Для того, чтобы очень быстро пройти по ступеням духовного восхождения к такому одухотворенному состоянию, более поэтически восприимчивому и мира, и своей страны, и своего князя.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — И все-таки, очевидно, нужно глубже заглянуть в язычество.

В. БУЛКИН: — Безусловно. Потому что осваивала весь этот огромный потенциал, принимала его, окрашивая в свои национальные краски, культура языческая.

Но если уровень и содержание культуры дающей мы представляем себе очень хорошо, то уровень и облик культуры языческой нам представляется весьма расплывчатым не только в деталях, но даже в целом. Хотя в дальнейшем развитие культуры шло не только и не просто по пути освоения христианства, но по пути взаимодействия этих двух культур. Это активное взаимодействие, безусловно, существовало, и доказательством тому — весь последующий ход развития древнерусской культуры, отдельных ее видов, совершенно не объяснимый с точки зрения традиций и логики развития византийской культуры. Скажем, развитие архитектуры, живописи может быть объяснено только с помощью логики и понятной именно такого взаимодействия. Обнадеживающий ответ мы можем получить именно оттуда, из языческих времен.

Д. МАЧИНСКИЙ: — Да, похоже. Несмотря на то, что языческая культура представляется более аморфной, лоскутной, что ли, так как не было у нее центральной идеи, которая бы цементировала, тем не менее это взаимодействие — реальность, и именно оно определяет содержание и будущее развитие древнерусской культуры, по крайней мере в домонгольское время.

М. ЦУКИН: — Нам никуда не уйти от исследования славянского язычества, коль скоро мы хотим понять, почему христианство на этой земле, послужило огромным стимулятором в дальнейшем развитии. К сожалению, нам очень трудно реконструировать некий облик, образ язычества. И тому есть свои причины. На территории Восточной Европы не раз менялись языки и культуры, они взаимодействовали. Поэтому и язычество меняется. Оно все время включает в себя какие-то элементы со стороны, как-то с кем-то связано, и поэтому каждый раз его надо рассматривать конкретно, на определенном хронологическом срезе.

Славяне были постоянно связаны с другими народами Восточной Европы. Здесь были и балты, и германцы, и сарматы, и греки. Сюда приходили римские войска. Все переплеталось, но, действительно, лоскутность существовала. Единой дохристианской языческой религии не было. Это как в конструкторе, из одних и тех же элементов можно получить разные наборы, картинки.

Г. БЕЛЬСКАЯ: — Но остается открытым вопрос, почему удается таким форсированным маршем «пробежать» расстояние между Русью начала княжения Владимира и Русью Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха?

Г. ЛЕБЕДЕВ: — Я думаю, что здесь есть вполне рационалистические объяснения. Очень

способствовала и успеху строительства Ярослава, и успеху строительства культурного и политического достижению ко временам Владимира степень государственного единства. Была уже создана качественно новая коммуникационная система, охватывающая — впервые — огромное пространство Восточной Европы.

Почему именно христианство? Почему все-таки не язычество? Никто не сказал до сих пор, как мне кажется, об одной принципиальной особенности языческого мировоззрения. И неважно, знаем мы достаточно

полно славянское язычество или не знаем. Таким же точно было и скандинавское, которое мы знаем, и древнегреческое. Языческое божество — местное, локальное: *genius loci*, «дух места». Это камень, ему поклоняются, так как с него хорошо видна округа, и вся эта округа находится под его магическим воздействием. Я такой камень раскапывал, ему поклонялись с раннего железного века и вплоть до 1979 года, когда я его копал, у меня на глазах поклонялись.

Затем возникает иерархия языческих божеств, но нередко они конкурируют между собой. Вот в этой как будто бы выстраивающейся иерархии все время идет некий разрушительный, разделяющий процесс. Их очень трудно примирить между собой, этих богов, трудно свести в четко организованную пирамиду.

Мы не должны забывать, что «выбору веры» предшествовала языческая реформа князя Владимира. Он выбирать начинает в первую очередь с язычества, пытается создать единый пантеон. Ничего хорошего не получается. И только тогда начинается уже настоящий поиск веры среди мировых религий. Христианство в данном случае позволило решить не только внутренние проблемы объединения всех и вся, независимо от роду-племени, но оно поставило еще русских и в один ряд с политически ведущими народами мира.

То, что произошло при Владимире, отличалось качественно от всех предшествующих попыток крещения — христианство стало государственной религией. Мы, собственно говоря, отмечаем не тысячелетие крещения Руси, потому что оно растянулось по крайней мере еще на сто лет. И не тысячелетие возведения в Киеве первой христианской церкви, потому что она была построена там за сорок лет до Владимира, но тысячелетие государственной идеологии формирующейся, зарождающейся державы. ●

Конкретно о конкрециях

На дне океана часто обнаруживают разбросанные в изобилии металлические лепешки. Эти округлой формы предметы диаметром в несколько сантиметров называют железомарганцевыми конкрециями, ибо они более чем на треть массы состоят из железа и марганца. Кое-где дно морское почти сплошь усеяно ими, что открывает перспективы промышленной разработки ценной полиметаллической руды. Самое интересное, однако, заключается в том, что каждая лепешка растет и развивается миллионы лет, медленно, но неуклонно утолщаясь на миллиметр за тысячелетие. А обшая масса конкреций в океане увеличивается за год на сто миллионов тонн. Возникает вопрос: с помощью какого механизма могут расти эти тела?

В ленинградском Всесоюзном НИИ геологии и минеральных ресурсов Мирового океана разрабатывают гипотезу о возможности биологического механизма развития конкреций. Речь идет об участии каких-то бактерий, которые могли бы окислять марганец, переводя его в нерастворимую форму, или же просто накапливать оба металла в своем организме, поглащая их из воды. Показателем работы живых организмов в образовании рудных тел служит обычно одно из соединений фосфора. Проанализировав химический состав проб рудных тел из разных районов Тихого океана, ученые обнаружили, что фосфор в них есть: в одних случаях его содержание было прямо связано с содержанием железа и марганца, в других — связь была со сдвигом по времени. Это, вероятно, могло свидетельствовать о чередовании периодов бурного развития бактерий и периодов их угнетения отложениями металлов. Биологическая гипотеза вполне оправданна. Морские бактерии резко повышают активность обмена и размножения, только прикрепившись к твердой поверхности. А удельная поверхность конкреций достигает двухсот пятидесяти квадратных метров на грамм массы. И, кроме того, биологи уже находят в телах конкреций самые разные бактерии.

Орел — символ евангелиста Иоанна.
Миниатюра XV в.

